

# ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

---

DOI: 10.31857/S023620070029308-5

©2023 Л.А. РЕЗНИЧЕНКО

## К 80-ЛЕТИЮ Б.Г. ЮДИНА

*В августе этого года исполнилось бы 80 лет со дня рождения Б.Г. Юдина, первого главного редактора журнала «Человек». В память о нем мы публикуем несколько материалов.*

Борис Григорьевич был известен как философ, автор нескольких книг и множества статей, как многолетний руководитель оригинальнейшего научного учреждения, имевшего в мире очень немного аналогов, — Института Человека, как один из пионеров развития биоэтики и гуманитарной экспертизы в нашей стране. Но мы, сотрудники журнала «Человек», по долгу службы хорошо знакомые со всеми гранями его «научной биографии», вспоминаем его не этим.

Мы помним прежде всего нашего главного редактора, с которым вместе создавали журнал, не имевший прецедентов ни по тематике, ни по характеру, с которым почти тридцать лет сидели на редакционных летучках и на редакционных застольях, где порой обсуждалось и решалось больше вопросов, чем на любой летучке; с которым вместе искали и находили — или не находили — узкие тропки, по которым можно было бы пройти между законными полянками разных научных дисциплин, между дисциплинарной наукой и наддисциплинарной научной мыслью и научной культурой, наконец между Наукой и Культурой, которая существовала за тысячи лет до феномена науки и, может быть, на тысячи лет его переживет. В непростом поиске, с самого начала не имевшем шансов на решительный успех, Борис Григорьевич постоянно был с нами — иногда первым среди равных, иногда равным среди равных, иногда лидером, хотя всячески сторонился этой роли, или арбитром в спорах — если другой возможности разрешить спор не было. Но никогда он не ставил себя над нами — мы делали одно общее дело, каждый в меру своих способностей,



Л.А.Резниченко  
К 80-летию  
Б.Г. Юдина

Б.Г. Юдин. 2016

возможностей, разума и, в меньшей степени, обязанностей — те были одни на всех. И только когда Бориса Григорьевича не стало, мы начали понимать: характер журнала, каким он сложился в первые годы его существования в «революционные девятые», был неотделим от облика его главного редактора, от его достоинств и, наверное, слабостей, от его стиля руководства и представлений о коллективном поиске нашего пути и места в науке, культуре, системе печатных изданий.

Вопреки расхожим штампам, редакцию на момент создания, да и позже ни в коем случае нельзя было назвать «коллективом единомышленников» — взгляды и убеждения у нас разнились до полной противоположности. Либералы и патриоты-государственники, позитивисты-агностики и ортодоксальные православные, приверженцы строгого дискурса и ценностно нагруженной философской рефлексии вдруг оказались в одной упряжке и начали тянуть одну лямку, стараясь — не всегда успешно — не повторять печальный



черту и его характера, и утвердившегося в «Человеке» с его легкой руки стиля руководства. Случайный свидетель беседы или даже спора кого-то из редакторов с Борисом Григорьевичем не мог бы даже предположить, что один из собеседников — член-корреспондент Академии наук, руководитель важных научных направлений, член множества международных комитетов и эксперт международных и российских организаций, наконец просто главный редактор и прямой начальник, а другой — рядовой сотрудник без какого бы то ни было формального или даже неформального статуса. Разговаривали коллеги и товарищи. Там, где это позволяла тема, — весело и непринужденно, обмениваясь шутками, в ином случае достаточно жестко, причем с обеих сторон.

«Нулевой уровень нарциссизма» проявлялся и в полном отсутствии эгоцентризма, заикленности на собственных представлениях о мире, не говоря уже о стремлении навязывать эти представления другим. Разумеется, они у Бориса Григорьевича были — вполне определенные, осознанные, и он всегда готов был их отстаивать. Но не навязывать ни окружающим, ни самой действительности. Ведь та, как он хорошо понимал, а еще лучше чувствовал, живет и развивается независимо от наших представлений о ней. Наверное, именно поэтому каждый из редакторов «Человека» мог чувствовать себя именно человеком, в полной мере реализующим свои цели и свои возможности, а не функцией или инструментом. Не случайно время работы в редакции было для большинства из нас едва ли не счастливейшим и самым плодотворным периодом трудовой жизни. И за это мы всегда будем благодарны Борису Григорьевичу. Как будут благодарны ему и те авторы, которым мы, с его молчаливого благословения, давали возможность высказаться независимо от их взглядов, стиля рассуждения, подхода. От них требовалось только одно: иметь что сказать и говорить со знанием дела, соблюдая необходимые интеллектуальные стандарты академического журнала.

Вспоминается, как однажды сотрудник написал для журнала обзор важного международного документа по одной из столь важных для Бориса Григорьевича проблем биоэтики. С документом автора обзора перед этим познакомил сам же Борис Григорьевич и даже помог разобраться с рядом специфических для рассматривавшейся проблемы сложностей. Прочитав обзор, Борис Григорьевич был шокирован нескрываемо ироничным отношением автора к утверждениям почтенных ученых. От возмущения он даже на какое-то время перестал разговаривать с его автором. Однако и речи не возникло о том, чтобы не печатать текст или хотя бы смягчить или убрать какие-то моменты, — автор был готов сделать это, благо вопрос был для него абсолютно не принципиален.



только ответственность перед редакцией, журналом, читателями, трудность с поиском подходящей замены. Но тут нагрел развал академического книгоиздания, создававший особые сложности и особую опасность как раз для таких журналов, как «Человек», и разговоры о скором уходе моментально прекратились. Дезертировать, бросать на произвол судьбы дело и полагавшихся на него людей Борис Григорьевич не мог и не хотел. Своих обязанностей он не оставил, даже борясь со смертельной болезнью. До последних месяцев он участвовал в летучках, обсуждал с редакторами статьи, хотя, конечно, уже не так часто, как раньше. Он был с нами, как требовала известная старая клятва, — пока смерть не разлучила нас.

Разговор о Борисе Григорьевиче хотелось бы закончить сакраментальным и почти обязательным в таких случаях:

*О милых спутниках, которые наш свет  
Своим сопутствием для нас животворили,  
Не говори с тоской: их нет;  
Но с благодарностью: были.*

Но сколь бы справедливыми ни были эти строки применительно к Борису Григорьевичу и к памяти о нем, приходится добавить и несколько совсем не положенных в таких случаях, а может быть, и кощунственных слов. Боль от потери бесспорна и навсегда останется с теми, кому посчастливилось работать с Борисом Григорьевичем. Но в последнее время не оставляет мысль, что высшим силам было виднее, и, забрав его, они проявили милосердие. Трудно представить себе, как переживал бы он происходящее с Академией, с его институтом, с академическими журналами, с участием России в международном научном сотрудничестве, в том числе в столь чувствительной сфере, как биоэтика, которое Борис Григорьевич налаживал, не щадя сил, и в котором добился международного признания как своего, так и отечественной биоэтики в целом. Трудно и сказать, как складывалась бы и его собственная научная и редакционная жизнь, благо своих взглядов, далеких от насаждаемого мейнстрима, он никогда не скрывал и вряд ли стал бы это делать сегодня. Будем же надеяться, что память о Борисе Григорьевиче будет не только поддерживать нас, но и удерживать от чего-то такого, за что потом может быть стыдно. В том числе и перед этой памятью.